

М. Г. Заболотских

ПЕРВЫЕ ЭФИОПСКИЕ ИНТЕЛЛИГЕНТЫ И МОНАРХИЯ: ПРОБЛЕМЫ КОММУНИКАЦИИ

По-европейски образованная элита (интеллигенция) является главным агентом модернизации государств, характеризующихся «периферийным» алгоритмом общественно-исторической динамики [1, с. 35–36]. Появление интеллигенции в государствах подобного типа происходило различными путями, но везде в конечном счете именно она осуществляла революционные преобразования на пути модернизации экономической и социально-политической структуры своих обществ. Поэтому изучение данного социального слоя на примере различных культур является весьма актуальной задачей. Особый интерес представляет изучение проблем коммуникации интеллигентов и власти: это позволяет лучше понять формы их взаимодействия, а именно — определить, каким образом интеллигенты воздействовали на власть, а также реакцию последней на данные воздействия.

Считается, что термин «интеллигенция» был популяризирован русским писателем П. Д. Боборыкиным, и из русского перешел в другие языки [2, с. 452]. Однако позднее он стал приобретать несколько иную специфику, зависящую в первую очередь от национально-культурных особенностей. По определению П. Лаврова, «интеллигентом считалась критически мыслящая личность, человек, восставший на предрассудки и культурные традиции современного общества, ведущий с ними борьбу во имя идеала всеобщего равенства и счастья» [3, с. 40]. Данное определение характеризует уже «развитую» интеллигенцию, готовую к осуществлению революционных преобразований. Первоначально интеллигенты вовсе не являлись бунтарями и действовали сообща с центральной властью.

Причины появления особого социального слоя, занятого преимущественно умственным трудом, на Западе (в центре) и на Востоке (периферии) существенно различаются. В Европе появление интеллигенции стало результатом естественного развития общества. Здесь «слой людей, занятых преимущественно в сфере умственного труда, сформировался вместе с развитием рыночных отношений, изнутри «взорвавших» традиционные общественные структуры и породивших спрос на подобный вид деятельности» [3, с. 47]. Таким образом, мировоззрение интеллигентов в Европе соответствовало ценностным взглядам большинства членов общества. Такую интеллигенцию можно назвать «первичной».

В странах Востока и Африки мы имеем дело со «вторичной» интеллигенцией. Здесь «появление образованного слоя было результатом не столько внутренних потребностей общества в данном виде деятельности, сколько в экспансии западной культуры» [3, с. 47]. Общества этих стран не нуждались в интеллигентах для удовлетворения своих духовных потребностей. Они были нужны в этих странах в первую очередь для контактов с Западом — сначала как простые переводчики, позднее как послы или «эксперты»,

знакомые с *чужой* западной культурой. Соответственно интеллигенты здесь появились лишь в *результате* взаимодействия с западной культурой, а также для взаимодействия с ней. Они были отчуждены от основной массы общества, являлись носителями других культурных ценностей, ставящими перед собой другие цели.

В целом в африканских странах появление интеллигенции стало возможно в первую очередь благодаря европейцам-колонизаторам, которые своими руками создали африканскую элиту: так, многие африканские национальные лидеры вышли из рядов колониальных служащих. «Некоторые [африканцы. — М.З.] сумели сделать это [получить образование. — М.З.] еще в 1920-х и ранее <...> Очевидно, что они сформировали новую привилегированную социальную группу. Большинство из них заняли младшие гражданские должности в колониальной администрации...» [4, р. 30]. Впоследствии именно эти люди совершили национально-освободительные революции на африканском континенте [5, с. 8].

Эфиопия не знала прямого колониального влияния, и поэтому ситуация там сложилась несколько иначе. Особенность эфиопской интеллигенции по сравнению с такой прослойкой в других африканских странах определило наличие мощной эфиопской культурной традиции, с которой столкнулась европейская цивилизация. В этом отношении в Эфиопии сложилась ситуация, скорее более сходная с положением дел в таких государствах, как Россия, Япония, Таиланд или Турция, нежели в других странах Африки. В результате данных обстоятельств первые эфиопские интеллигенты формировались как личности под воздействием своеобразной встречи двух культур и их интеграции и взаимодействия, а не в условиях политического доминирования одной культуры над другой.

Процесс зарождения в Эфиопии интеллигенции был достаточно долгим и сложным. Люди, получившие знакомство с европейскими знаниями, существовали в Эфиопии давно, но лишь в начале XX в. начала возрастать их роль в обществе: ведь теперь Эфиопия была вынуждена вести также и дипломатический диалог со многими европейскими странами, о которых мало кто в Эфиопии имел хоть какое-то достоверное представление¹.

Предпосылки для появления в Эфиопии интеллигенции были вызваны прежде всего внешними переменами и глобальными изменениями в геополитическом положении страны. Открытие Суэцкого канала в 1869 г. привело к быстрому росту значимости красноморского региона во второй половине XIX в. К указанному времени Эфиопия давно перестала быть морской державой, однако все контакты с внешним миром, объективно обусловленные внутренними потребностями страны, такими как отправка миссий за митрополитом в Александрию, паломничества в Иерусалим и Мекку, а также случайные визиты иностранцев, которые приносили с собой новые идеи и новые знания, осуществлялись через красноморское побережье [6, р. 29]. Все это привело к необходимости активно взаимодействовать с появившимися в регионе европейцами, что, в свою очередь, вызвало потребность в переводчиках, а также в людях, знакомых с европейской культурой.

На данном историческом этапе эфиопы знакомились с западной культурой и идеями в основном двумя способами.

¹Достаточно вспомнить исторический пример о том, как эфиопскому правителю Вольдэ Селасе было однажды доложено, что «Англия была марионеточным государством под властью Турции» [6, р. 52].

(1) Некоторые молодые эфиопы, часто при личном содействии императора, отправлялись получать образование за границу, причем в совершенно разные страны (среди которых были европейские страны, США и даже Россия). Целью подобных мер было создание кадров нового типа для обеспечения функционирования государства в изменившихся условиях. Тем не менее, возвращаясь на родину, эти люди привозили с собой и новые западные идеи. Эти первые эфиопы, получившие образование в Европе, и стали первыми деятелями просветительства в стране. За границей они получали знания и вырабатывали у себя просветительские взгляды [7, с. 118]. Практически все эфиопы, получившие образование за границей, пополнили ряды интеллигенции.

(2) Некоторые из первых эфиопских интеллигентов получили образование в «новых»² эфиопских школах. Число этих школ было небольшим³, однако и число мест в государственном аппарате для «людей с дипломами» было сильно ограничено. Получение образования сулило молодежи новые перспективы обретения социального статуса. Если в традиционном секторе, который, по сути, охватывал большинство эфиопского общества, социальный рост ограничивался исключительно продвижением по социально-возрастной иерархии [8], то теперь, получив образование, молодые люди могли повысить свой статус в рамках новой государственно-бюрократической структуры. В условиях модернизации, как и во многих других обществах, «ценности, [связанные с приобретением взрослого социального статуса. — М.З.] трансформировались в необыкновенный престиж государственной службы, которая стала ассоциироваться с обретением статуса в изменившихся условиях» [3, с. 51]. Однако и здесь ограниченные возможности государственно-бюрократической системы по адаптации «людей с дипломами» формировали «лишних людей», которые стали задумываться над несовершенством существующей системы.

Итак, с социальной точки зрения первые эфиопские интеллигенты были по большей части европейски образованными людьми, многие из которых находились на государственной службе. Некоторые занимали достаточно высокие посты⁴, однако в основной массе это были служащие среднего звена. Эти люди мечтали внедрить полученные ими знания и идеи у себя на родине, полагая, что они обязаны донести их прежде всего до императора, в котором видели потенциального реформатора. Проанализируем на конкретных примерах как это происходило.

* * *

В начале XX в. Эфиопия представляла собой феодальное общество. Страна только что оправилась после кровопролитных междоусобных войн и была объединена под

²«Новых» относительно существующих ранее в Эфиопии церковных и миссионерских школ.

³Школа Менелика II (основана в 1908 г.) предлагала начальное и среднее образование на французском, английском и итальянском; школа Тефери Меконнына (1925 г.) предлагала также начальное и среднее образование; в школе *ытеге* Мэнэн девочки могли получить начальное и среднее образование на французском. Во всех трех школах ежегодно ученики сдавали экзамен на французский сертификат начального обучения. В 1930 г. была открыта школа Хайле Селласе I, в которой на французском языке предлагалось техническое образование, а также преподавались другие иностранные языки. В Аддис-Абебе функционировали также несколько начальных школ, основанных между 1929 и 1935 гг. Небольшое число школ имелось в крупных провинциальных центрах.

⁴Здесь следует отметить в первую очередь Хыруя Вольдэ Селласе, который на пике своей карьеры занимал пост министра иностранных дел, а также Текле Хавариата Текле Мариама, губернатора провинции Джиджиги.

властью императора Менелика. На данном этапе была достигнута определенная политическая стабильность, что позволило правящей верхушке, в первую очередь императору, задуматься о «мирном» общественном и культурном развитии. Среди особенно важных новшеств можно отметить введение фиксированных налогов, учреждение национального банка, совершенствование системы образования.

Важным нововведением также стало появление книгопечатания. Хотя первый печатный станок в Эфиопии появился еще во времена императора Феодора (в середине XIX в.), он был уничтожен сразу после его смерти [9, p. 249]. Поэтому фактическим началом книгопечатания в Эфиопии можно считать период регентства *раса* Тефери (будущего императора Хайле Селлассие). В 1923 г. он учредил «Эфиопскую печатню наследника эфиопского трона принца *раса* Тефери». Большая часть оборудования была закуплена в Германии. Вскоре эта печатня получила название «Бэрханэна Сэлям» («Свет и мир» [в значении: мир, мирный]).

Благодаря печатне на смену традиционному виду «общения»⁵ стали постепенно приходить средства массовой информации. Это был достаточно долгий процесс, и пресса вначале не имела существенного влияния на общественное мнение. Например, в 1923 г. в издательстве «Бэрханэна Сэлям» начали печатать одноименную газету. Год спустя с правительственного печатного станка сошла вторая газета «Аымро» («Разум»). По выражению профессора Аддис-Абебского университета Бахру Зэуде, «Бэрханэна Сэлям» стала «фактически рупором интеллигенции» [10, p. 209]. Но попробуем разобраться, в какой мере правомочно подобное сравнение. В практически безграмотном обществе аудитория газет была необычайно мала. Хотя современник событий греческий путешественник Зервос и называет тираж «Бэрханэна Сэлям» «очень большим» [11, p. 269], реальная цифра не превышала нескольких сотен экземпляров⁶, а с учетом того, что газету часто передавали из рук в руки, общий круг читателей составлял не более 2000–3000 человек.

Простому читателю газеты были недоступны. Их циркуляция фактически ограничивалась Аддис-Абебой. Учитывая то, что в среднем население столицы было достаточно бедным, потратить и без того скромные доходы на приобретение газет могли себе позволить только обеспеченные граждане, другими словами — представители высшего сословия, к которому преимущественно относились представители правящей элиты. Но и они, как выясняется, не «утруждали» себя чтением газет. Об этом красноречиво говорит случай, описанный профессором Аддис-Абебского университета Фэккаде Азезе: «Мамас Тарзян, называвший себя иностранцем по рождению (он был армянином. — М.З.), но эфиопом по национальности также принял участие в дискуссиях, которые велись в “Бэрханэна Сэлям”. Он раскритиковал тех подписчиков газеты, которые покупали ее, но не читали. Чуть позже несколько людей пообещали написать в газету комментарий на статью Терзьяна. Но когда они встретились через месяц, то признались, что даже не читали этой статьи» [12, p. 168].

Подобное безразличие можно объяснить, если обратиться к традиционной эфиопской культуре. Издревле работа (в первую очередь ремесленная, предполагающая

⁵Традиционно в Эфиопии коммуникация осуществлялась путем пересылки писем и приказов (*аваджей*). Сообщения, предназначенные для широкой аудитории, обычно зачитывались на рыночной площади.

⁶Что касается первых выпусков газеты «Аымро», то они были и вовсе рукописными, и первоначальный тираж составлял всего 24 экземпляра. Когда газету начали печатать, тираж увеличился до 200 экземпляров [9, p. 262].

создание чего-то своими руками) считалась делом позорным. Ремесленники всегда относились к низшему сословию: их презирали и одновременно боялись, считая колдунами. Некоторые эфиопские интеллигенты даже настаивали на законодательных мерах, запрещающих подобное отношение к людям, занятым ручным трудом. Поэтому эфиопские феодалы (да и то не все) обычно учились только читать — писать самому считалось недостойным, для этого существовали специальные люди. Видимо, именно по этой причине никто из «высшего сословия» так и не написал ответ Терзяну. В то же время выписывать газету было престижно — уже хотя бы потому, что не все могли себе это позволить. Словом, подписка на газету стала рассматриваться в качестве символа высокого социального статуса (уважаемого и умного человека). Читать же или тем более писать для нее, было, с традиционной точки зрения, делом «презренным».

По мнению Фыкаде Азезе, «одной из первых целей основания газет в Эфиопии было сообщить о новейших мировых достижениях тем эфиопам, которые работали в сфере торговли, сельского хозяйства, финансов и банковского дела, провинциального управления <...> Также газета должна была служить целям критики и самокритики, печатая хвалебные статьи о хороших делах и разгромные о плохих» [12, p. 167]. Таким образом, вырисовывается еще одна потенциальная группа читателей — предприниматели. Таких в Эфиопии было очень и очень мало, и многие из них были иностранцами. Не случайно вскоре появились газеты также и на европейских языках.

Поэтому многие интеллигенты и не стремились донести свои мысли до широких масс напрямую, воспользовавшись появившимися средствами массовой информации. Во-первых, это было на данном этапе невозможно чисто «технически». Во-вторых, вобрав в себя европейские идеи, первые интеллигенты не отбросили в одночасье свои традиционные представления, в том числе и о том, что император и есть, по сути, государство, следовательно, менять нужно в первую очередь его самого. Поэтому многие печатные труды были средством обращения не столько к читателям, сколько к одному определенному читателю — императору Эфиопии, который, как они полагали, ознакомившись с их идеями, должен инициировать реформы сверху⁷.

Некоторые представители интеллигенции пытались лично донести до императора свои мысли. Примером подобного подхода могут служить действия Текле Хавариата Текле Мариама. Он считал, что реформирование страны возможно только при прямом воздействии на императора, и поэтому приложил все усилия, чтобы стать близким другом *лыджа* Иясу [10, p. 59]. Однако вскоре он осознал, что Иясу не способен стать эффективным реформатором. И если определенные «вольности»⁸ в его поведении еще не означали, что он стал бы плохим реформатором, то слухи о том, что Иясу обратил-

⁷В газетах эфиопские интеллигенты в основном печатали дискуссионные статьи, в которых обсуждали положение дел в стране. Известно, например, что *кантиба* Гэбру Дэста и *блатта* Дзресу Аманте часто писали статьи для «Бэрханэна Сэлям». Микаэль Тесемма, эфиоп, получивший образование в Италии, часто писал для этой газеты статьи по политической экономии. В «Бэрханэна Сэлям» имели место дебаты о традиционном эфиопском землевладении, а в 1920-х гг. последовал ряд статей под общим названием «Независимому государству независимую церковь».

⁸Общественное мнение об Иясу было не самым благоприятным. Сегодня очень сложно отделить правду от вымысла, а реальные личные качества Иясу от слухов, распространяемых его недоброжелателями. Общее мнение об Иясу отражают высказывания его современника Мырсе Хазена Вольдэ Киркоса, автора воспоминаний об этой исторической эпохе [14]. Он пишет об Иясу следующее: Иясу «часто проводил ночь, гуляя по борделям в сопровождении пары товарищей. Иногда он вступал в перестрелку с охранниками. Я слышал еще много подобных вещей о нем, но не желаю излагать здесь их все» [14, p. 162].

ся в ислам и, более того, хочет исламизировать всю Эфиопию⁹, значительно ухудшили отношение к нему. Действительно, Текле Хавариат, являясь, как и большинство его современников, человеком верующим, не мог поддерживать правителя, который пренебрежительно относился к устоям страны с многовековой христианской традицией. После подобных слухов он тут же перешел на сторону *раса* Тефери, который считался прогрессивным молодым деятелем. Более того, в 1916 г. Текле Хавариат сам выступал свидетелем против Иясу, обвиняя его в принятии ислама.

В целом отчетливо прослеживается тенденция со стороны представителей интеллигенции воздействовать лично на императора. В результате, в начале XX в. можно констатировать появление некоторого (небольшого) количества брошюр, изначально предназначенных не для массового чтения, а лично для правящего монарха; брошюр, содержащих советы императору касательно модернизации страны.

Хорошим примером такой «поучительной» брошюры может служить памфлет¹⁰ Гебрэ Хейвот Байкедана¹¹ «Государь Менелик и Эфиопия» [13]. Памфлет был впервые опубликован в 1912 г. в шведском миссионерском журнале «*Sia la Luce*» («Да будет свет»)¹². Он представляет собой последовательную критику многих сторон эфиопской действительности и по форме напоминает руководство к действию для императора. Гебре Хейвот предлагает в нем программу реформ, которые, по его мнению, смогли бы привести к процветанию страны и общества¹³.

Само появление подобного произведения говорит о многом. Ведь в данном случае мы имеем дело с советами императору, которые подаются необычным способом — через печатное издание. Другими словами, без соблюдения подобающих ритуалов и выражения нижайшей покорности. Ведь добиться внимания монарха обычными методами было крайне непросто: обычно любое дело поручалось одному из секретарей, и очень малый процент дел рассматривался лично императором. В данном же случае можно говорить о попытке обратиться напрямую к императору, построить с ним своего рода диалог.

Подобная ситуация свидетельствует о бикультурности сознания образованных эфиопов. С одной стороны, автор, будучи носителем традиционного сознания, не требует

⁹В своих воспоминаниях Вольдэ Киркос отмечает: «В 1915/1916 начали ходить слухи про *абето* Иясу. И были эти слухи таковы: «*Абето* Иясу стал мусульманином; он собирается превратить Эфиопию в исламское государство». Поэтому шоанские дворяне стали секретно встречаться, чтобы низложить *абето* Иясу» [14, p. 173].

¹⁰Сам Гебрэ Хейвот «памфлетом» это произведение не называл. Памфлет как жанр вообще был чужд эфиопской литературе. Данное определение стало употребляться с рассматриваемым письмом позднее, чтобы подчеркнуть его критическую направленность.

¹¹Гебрэ Хейвот Байкедань (30.07.1886–01.07.1919) — один из первых эфиопских интеллигентов. Долгое время учился в Европе, по возвращении на родину занимал важные административные посты, в т. ч. инспектора железной дороги Аддис-Абеба — Джибути и *негадраса* (начальника таможни) Дире Дауа. Автор ряда работ, отражающих проблемы эфиопской действительности, напр., книги [Mangest-na YäHezb Astädädär (Государство и общественное управление). Addis Ababa, 1953 EC], посвященной экономическому реформированию Эфиопии, и цитируемого памфлета, написанного в форме письма императору, который очерчивал широкий круг проблем эфиопского общества и предлагал пути решения некоторых из них.

¹²Также доступен перевод на русский язык [15].

¹³Позднее имели место очень спорные трактовки роли данного памфлета. Так, в журнале «Мескере» полагается, что «...цель изучения работ таких личностей [Гебре Хейвота. — М. 3.] заключается в том, <...> чтобы познакомить революционеров с важными достижениями представителей прошлого поколения и, т. о., укрепить их революционное рвение» [17, p. 51–52]. Ни о каком «укреплении революционного рвения» речь идти не может, т. к. Гебре Хейвот не желал искоренения монархии, а ратовал за правление просвещенного монарха, видя в нем надежду и опору для своего народа.

никакой политической реорганизации, с другой — как по-европейски образованный человек, он мыслит в духе рациональных категорий. В результате, власть как бы утрачивает свою сакральность, что делает возможным давать монарху советы. Это немислимо для традиционных моделей властных отношений, в которых ее носитель — непререкаемый авторитет [3].

В традиционном обществе открыто критиковать правителя могли только шуты (в Эфиопии — бродячие музыканты *азмари*). Однако шут находился за рамками социальной системы, низводился до ранга сумасшедшего, слова которого нельзя воспринимать всерьез. При этом шуты сами осознавали свое положение. Интеллигенты же поучали власть, считая себя вправе делать это вследствие своей избранности, достигнутой путем получения образования. Они осознавали себя «выше» обычного народа, чувствовали собственную причастность к власти. При этом сам народ часто считал интеллигентов чуждыми социальной системе и, соответственно, относился к их высказываниям снисходительно.

Ярким литературным примером подобного отношения является книга Хыруя «Новый мир» [16]. В ней молодой эфиоп Авэкэ (амх. «Он знал». — М.З.) возвращается на родину после учебы за границей. Сам внешний вид Авэкэ — европейский костюм — вызывает неприятие среди его родственников. Они находят его смешным и непрактичным. Не могут они понять и поведение Авэкэ, который не пожелал жениться на девушке, которую родственники ему подыскали, или пытается вместо священника пригласить для больного европейского доктора.

При этом родственники воспринимают поведение Авэкэ как некую ненормальность, девиацию или даже болезнь: сначала они связывают Авэкэ, не дают ему выходить из дома и читают молитвы, считая, «что это пройдет». Когда же это не проходит, они во всем винят злые силы, считая, что европейский прогресс (который, надо сказать, они прогрессом не считают) является делом рук дьявола. Подобное отношение проявляется во всех мелочах. Например, когда Авэкэ приносит на свадьбу граммофон, его родственники говорят следующее: «Как он поступил с нами! Нам, говорит, не пойте — запретил. Зато притащил железаку, в которой черт сидит, и его петь заставил <...> И такое сегодня в Европе везде!» [16, р. 39–40].

Вернемся к памфлету Гебрэ Хейвота. Интересно, что он, считая возможным советовать императору, все-таки не критикует его. Более того, если поведение императора не укладывается в желаемую модель, Гебрэ Хейвот начинает оправдывать Менелика: «Но на человека, подобного Менелику, не возведешь подобной нелепой клеветы [т. е. не обвинишь его в бездействии и нежелании реформ. — М.З.]. А правда вот в чем. До недавнего времени ему было совершенно неизвестно, что может дать Европа Эфиопии. Он не понимал, что его народ пропадет, если не усвоит европейские знания. Но за это осуждать его не должно. Кто мог его научить? Если бы кто-нибудь ему это разъяснил, разве бы он не понял?» [15, с. 134]. Именно эту роль «учителя» Гебрэ Хейвот берет на себя, обращаясь в своем памфлете напрямую к императору¹⁴.

Когда Менелик заболел (а именно в это время был написан памфлет), Гебре Хейвот возложил все надежды по реформированию страны на нового монарха лыджа Иясу. Об этом он сам недвусмысленно говорит в конце своего памфлета: «Итак, обо всем этом,

¹⁴Следует заметить, что для Африки в целом была характерна сакрализация учителей. Это связано с тем, что европейски образованные африканцы рассматривались традиционным населением как своего рода сакральные персоны, унаследовавшие магическую силу от европейцев [18].

возможно, помышлял государь Менелик [имеются в виду прогрессивные реформы. — М. З.], однако не свершил. Поэтому будем надеяться, что это свершит его наследник, его пречестное высочество лыдж Иясу <...> Поэтому мы страстно желаем, чтобы силою его пречестного высочества лыджа Иясу земля эфиопская стала извечной вотчиной эфиопов» [19, с. 139].

Другой примечательной работой такого плана является письмо Гебрэ Ыгзиахера¹⁵ императору Эфиопии Менелику, написанное в мае 1899 г. Оно доступно для изучения как в оригинале [20, р. 163–166], так и в переводе на английский [19, р. 509–515] и итальянский [20, р. 166–172]. Оригинал письма находится в итальянских архивах¹⁶.

По мнению Ирмы Тадия, «этот документ является уникальным, так как знаменует начало антиколониальной идеологии в Эфиопии <...> Кроме этого, в письме Гебрэ Ыгзиахера Менелику появилась новая концепция светского восприятия государства (в противовес традиционному христианскому. — М.З.)» [19, р. 505–506].

Для нас наибольший интерес представляет то, как сам Гебрэ Ыгзиахер определял целевую аудиторию своего письма. Первоначально письмо было отправлено *расу* Меконнну: видимо, потому что Гебрэ Ыгзиахер был лично с ним знаком. Кроме этого, Меконнын считался одним из основных «прогрессистов» в стране. Однако в Меконныне Гебрэ Ыгзиахер видел лишь посредника — далее в письме он просит *раса* о том, чтобы он передал письмо лично Менелику, а также выражает пожелание того, чтобы письмо было зачитано на площади широкой публике: «Я прошу, именем Господа, распятого Бога и нашего Господа <...> чтобы Вы (*рас* Меконнын. — М.З.) послали это письмо Его Величеству царю царей Эфиопии. Ваше Величество (Менелик. — М.З.), прочтите внимательно это письмо, эти несколько строк, написанные простым эфиопом, и прикажите, чтобы его читали народу по воскресеньям перед службой или лучше на рыночной площади в день большого рынка¹⁷. Потом же поместите его в монастырь Дэбрэ Либанос» [19, р. 510; 20, р. 163].

Гебрэ Ыгзиахер не предполагал, что простые эфиопы будут читать его письмо и *самостоятельно* размышлять над ним. Он скорее был склонен к тому, чтобы над письмом размышлял *император*, народ же потом просто будет вынужден подчиниться, как если бы письмо было императорским приказом¹⁸.

Описанные произведения, которые можно обобщить под названием «критические письма», были, однако, не единственными изданиями, опубликованными интеллигентами на данном историческом этапе.

¹⁵Блатта Гебрэ Ыгзиахер Гылай (1860–1914) служил в итальянской колониальной администрации в Эритрее в качестве переводчика. В 1899 г. был обвинен в предательстве и передаче секретной информации эфиопам, посажен в тюрьму, откуда бежал, после чего провел остаток жизни в Аддис-Абебе. Автор многочисленных критических поэм, в которых он ратовал за перенятие европейского опыта и развитие образования. Среди наиболее масштабных работ можно отметить «Наставления о том, как избрать правильный путь, чтобы улучшить благополучие страны и ее народа». Место и время публикации неизвестно. Видимо, было опубликовано за пределами Эфиопии, о чем можно судить по наборному шрифту [20, р. 82–83].

¹⁶Archivio Eritrea, Pacco 293, Serie II, “Allegato 11” [19, р. 503].

¹⁷Т. е. раз в неделю. Обычно в Эфиопии рынки имели место раз в неделю в определенный для каждой местности день.

¹⁸Гебрэ Ыгзиахер и просит «зачитать письмо на рыночной площади», подобно традиционному *азажу* (указу).

Хотя книгопечатание было в Эфиопии XX в. совершенно новым явлением, книги стали печататься регулярно. Большинство из них были посвящены религиозной тематике: в этом плане четко прослеживается преемственность рукописной литературной традиции, в которой основное место занимали агиографии.

На первой (и пока что единственной) печатне выходили в основном книги религиозного характера, а также редкие книги по истории (подробнее см.: [9]). В среде эфиопских интеллигентов большинство книг удалось опубликовать уже упоминавшемуся Хыруу Вольдэ Селласе¹⁹.

Хыруй написал более 20 книг, и его по праву называют «отцом амхарской литературы» [21, р. 1]. Среди опубликованных Хыруем работ есть труды по истории Эфиопии, биографический словарь — первое произведение подобного рода в Эфиопской истории, а также художественные книги и дневники, которые автор вел во время своих путешествий по зарубежным странам. Именно последние две категории книг представляют для нас наибольший интерес. В них Хыруй пытался сравнить Эфиопию с развитыми странами, найти возможности модернизации страны, а также понять возможную реакцию своего народа на предполагаемые изменения. Хотя его книги в общем менее критичны, чем рассмотренные выше памфлеты и письма, в них также содержатся предложения реформ и нововведений.

Как отмечает Бахру Зэуде, «книги Хыруа пользовались, пожалуй, наибольшей циркуляцией. Они выходили по мере развития в стране книгопечатной индустрии. Дидактико-аллегорический стиль, видимо, также прибавил популярности его работам» [10, р. 188].

Хыруй в своих книгах часто объяснял те или иные явления при помощи понятных и простых метафор, а потому они пользовались особым спросом. Так, сам автор, как правило, писал в предисловиях к своим художественным книгам о том, что прибегает к языку метафоры для того, чтобы его книги были всем понятны: «Как говорится, *тэдж*²⁰ пьют кувшином-*бырылле*, а дело объясняют на примере, так и читателю скоро станет ясно, что любое дело [познается] на примере» [22].

Представляется, что Хыруу первому удалось найти форму презентации идей, наиболее адекватную традиционному сознанию. О признании литературных его достижений говорит то, что написанные им книги до сих пор переиздаются и даже используются в качестве учебной литературы на университетском уровне²¹.

При этом сложно установить реальное количество находившихся в обращении экземпляров. Во время работы с оригинальными текстами в Эфиопской национальной библиотеке я не нашел данных о тиражах книг Хыруа. Скорее всего тираж едва ли превышал несколько сот экземпляров.

Говоря о «популярности» тех или иных книг на данном этапе, не стоит забывать, что книги были обычно недоступны простому читателю. И в этом сыграли свою роль не только такие факторы, как неграмотность населения и малые тиражи печатной про-

¹⁹Хыруй Вольдэ Селласе (8.05.1878–19.09.1938) — выдающийся политик и писатель, сыгравший большую роль в интеллектуальной истории Эфиопии. Занимал важные административные посты, среди которых мэр Аддис-Абебы и министр иностранных дел; был участником многочисленных посольств в Европу, возглавлял первое в истории Эфиопии посольство в Японию. Автор более 20 книг на различные темы.

²⁰Тэдж — слабоалкогольный эфиопский напиток.

²¹Можно отметить переиздание его истории Эфиопии в 2007 г. [23], которая сегодня используется как учебное пособие на университетском уровне.

дукции. Например, книги Афеворка²² издавались в основном в Европе, вследствие чего они были практически недоступны эфиопам. Словом, изложение идей в книгах в силу объективных причин также не получило широкого распространения.

Гораздо более показательным является анализ данных идей, которые интеллигенты высказывали в своих книгах. Становится очевидным, что их сознание и миропредставление уже на начальном этапе начинало дистанцироваться от народных представлений, определяемых традиционным мышлением. Налицо их рационализация. Тот же Хыруй, описывая голод в одной из провинций, где народ взбунтовался против наместника, пишет: «Но необразованный народ, будь то засуха или голод, — все ставит в упрек правителю...» [24, s. 74]. Действительно, традиционное сознание, как показывают исследования, причину всех жизненных бед видит исключительно в некомпетентности власти [25].

* * *

Знание внешнего мира, особенно Европы, дало первым образованным эфиопам понимание отсталости их страны. Активисты студенческого движения напишут в 1970 г. про этот исторический период следующее: «Они (эфиопские интеллигенты. — М. 3.) все время были против существующего способа правления, сознавая, что причины отсталости эфиопского народа — это давно существующий порядок. Однако, чтобы осуществить свои цели, прогрессивные люди того времени по необходимости должны были работать рядом с императором» [26, p. 2–3]. Подобное утверждение представляется сегодня не вполне справедливым: многие интеллигенты работали с императором бок о бок потому, что они были убеждены в справедливости и легитимности его власти и считали монархию единственно возможной формой правления. Действительно, к моменту выхода процитированной статьи, интеллигенция в Эфиопии уже соответствовала определению П. Лаврова (см. выше) и, естественно, рассматривала престарелого императора как воплощение анахронического политического устройства, главного препятствия на пути развития государства. Но в условиях 1920–1930-х гг. именно император, как отмечалось, только и мог рассматриваться ими в качестве гаранта прогресса и модернизации. Поэтому они и не помышляли о смене режима.

У первых эфиопских интеллигентов отсутствовало осознание своей групповой идентичности. Это были одиночки, стремившиеся реформировать общество путем воздействия на императора. Для них характерна бикультурность сознания: с одной стороны, они уже не воспринимают власть (и императора как ее олицетворение) как нечто незыблемое, нечто независящее от их воли. С другой — они считали, что сами могут влиять на власть путем ее просвещения («поучения»). Материалы анализа модернизирующихся обществ показывают, что приобщение к европейскому рассматривается традиционным сознанием как обретение некой Силы (магической силы), которой в традиционных обществах наделялась исключительно власть (см., напр.: [3]). Поэтому свою деятельность по просвещению монарха интеллигенты считали вполне легитим-

²²Афеворк Гебрэ Ияус (10.07.1868–25.09.1947) — один из первых эфиопских интеллигентов. Изучал в Эфиопии традиционную живопись, после чего был отправлен учиться в Италию, откуда вернулся в Эфиопию лишь в возрасте 49 лет. Занимал значимые посты, включая должности посла Эфиопии в Италии. После ввода итальянских войск в Эфиопию в 1935 г. поддержал фашистский режим, за что был после войны осужден на пожизненную ссылку. Оставил богатое литературное наследие: автор первого романа на амхарском языке, а также ряда книг, связанных с насущными проблемами Эфиопии.

ной. Иными словами, они, похоже, внутренне были убеждены в правомерности своих действий, так как рассматривали себя в качестве носителей некой сакральности.

Именно поэтому они стремились донести свои идеи до императора, используя периодические издания и литературу, направляя ему письма-памфлеты. Интеллигенты уже не боялись открыто заявлять о своих идеях и пытались убедить монарха в необходимости их осуществления. В то же время они не рассматривали народ в качестве «думающей» аудитории, считая реформирование сверху единственно возможным способом модернизации. Будучи воспитанными в традиционной среде, первые интеллигенты познакомились с европейскими идеями уже в сознательном возрасте; они продолжали верить в исключительную силу власти, а себя стали осознавать в качестве ее легитимного учителя. В общем, единственным источником реформ, по их пониманию, может быть только просвещенный монарх. Прямое же обращение к народу не имело смысла.

Итак, деятельность первых эфиопских интеллигентов носила, скорее, рекомендательный характер²³. Новые средства, к которым они прибегали (газеты, книги и т. д.) использовались фактически на традиционный манер, т. е. как еще один способ обратиться к императору. Тем не менее первые эфиопские интеллигенты несомненно заложили фундамент для развития общественно-политической мысли в стране, породившей, в свою очередь, новое поколение уже поистине революционной интеллигенции, свергнувшей в 1974 г. императорскую власть.

Литература

1. Бочаров В. В. Востоковедение в антропологическом дискурсе // Концепции современного востоковедения. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008. 297 с.
2. Большой энциклопедический словарь / Под ред. А. М. Прохорова. СПб.: Норинт, 2001. 1434 с.
3. Бочаров В. В. Интеллигенция и насилие: социально-антропологический аспект // Антропология насилия. СПб., 2001. С. 39–87.
4. Davidson B. Modern Africa: A Social and Political History. Longman, 1994. 300 p.
5. Следзевский И. В. Проблемы историко-социологической характеристики африканской интеллигенции // Пути эволюции и общественная роль современной африканской интеллигенции: поиски, тенденции, перспективы, М., 1988.
6. Rubenson S. The Survival of Ethiopian Independence. Addis Ababa: Kuraz Publishing Agency, 1991. 437 p.
7. Чернецов С. Б. Исторические предпосылки эфиопского просветительства как идейного движения в общественно-политической жизни Эфиопии на рубеже XIX и XX веков // Africana: Африканский этнографический сборник. XIV. СПб., 1984.
8. Бочаров В. В. Антропология возраста. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000. 192 с.
9. Pankhurst R. The Foundations of Education, Printing, Newspapers, Book Production, Libraries and Literacy in Ethiopia // Ethiopian Observer. Vol. 6. 1962.

²³Можно констатировать, что многие идеи первых эфиопских интеллигентов нашли свое воплощение. Например, с приходом к власти Тефери ряд мер, о которых говорил Гебрэ Хейвот в своем памфлете, был принят им еще до 1930 г. Тефери отдал явное предпочтение тем идеям, которые были направлены на укрепление императорской власти, а именно — централизации таможенной администрации и модернизации армии. Нельзя сказать, что «Памфлет» Гебрэ Хейвота напрямую повлиял на политику Хайле Селласе. У него было достаточно европейских советников, так что в отсутствии прямых свидетельств вряд ли можно говорить о том, что император последовал программе реформ Гебрэ Хейвота. Влияние первых эфиопских интеллигентов на императора оказалось весьма ограниченным. По сути, в жизнь были воплощены лишь те реформы, которые сам император считал нужными для осуществления.

10. *Bahru Zewde*. *Pioneers of Change in Ethiopia: the Reformist Intellectuals of the Early Twentieth Century*. Oxford, James Currey, 2002. 288 p.
11. *Zervos A.* *L'Empire d'Ethiopie. Le Miroir de l'Ethiopie moderne, 1906–1935*. Alexandria: Impr. de l'Ecole Professionnelle des Frère, 1935. 528 p.
12. *Fekade Azeze*. The Possible Role of Newspapers in the Study of Ethiopian Literature and Literary 'Criticism': the Case of Berhanena Salam and Aemero // *Ethiopia in Broader Perspective* / Ed. by Katsuyoshi Fukui, Eisei Kurimoto, Masayoshi Shigeta. Vol. III. Papers of the XIIIth International Conference of Ethiopian Studies, 1997.
13. *Gebre Heywot Baykedan*. Ате Менелик-на Итыорья (Государь Менелик и Эфиопия). Asmara, 1912.
14. *Mers'ê Hazen Wolde Qirqos*. What I Saw and Heard during the Last Years of Menilek II and the Brief Rule of Iyassu. Centre Française des Études Éthiopiennes & Zamra Publishers, 2004. 195 p.
15. Пономаренко А. А., Чернецов С. Б. Памфлет «Государь Менелик и Эфиопия» нэгадраса Гебре Хейвота Байкедана — одного из первых эфиопских просветителей // *Africana: Африканский этнографический сборник*. XIII. 1982. С. 128–159.
16. *Heruy Wolde Sellassie*. Addis Alām (Новый мир). Addis Abeba: Goha Šābah, 1924 EC. 64 p.
17. Meskrem, a Quaterly Ideological Journal, prepared by the ideological department of the Central Committee of Corwe. 1981. N 3–4.
18. Бочаров В. В. Власть. Традиции. Управление. Попытка этноисторического анализа политических культур современных государств Тропической Африки. М.: Наука, 1992. 295 с.
19. *Taddia I.* Ethiopian Source Material and Colonial Rule in the Nineteenth Century: the Letter to Menilek (1899) by Blatta Gäbrä Egzi'abeher // *Journal of African History*. 1993. N 35. P. 403–516.
20. *Taddia I.* Un Intellettuale Tigrino nell'Etiopia di Menelik: Blatta Gäbrä Egzi'abeher Gilay (1860–1914). Milano, 1990. 120 p.
21. *Molvaer R. K.* *Black Lions: The Creative Lives of Modern Ethiopia's Literary Giants and Pioneers*. The Red Sea Press, 1997. 426 p.
22. *Heruy Wolde Sellassie*. Dirsietoch. Yälebb Hasab YäBerhanienna YäTsiyon Mogäsa Gabecha. (Рассказы. Веление сердца: Свадьба Бфрхане и Цыйон Могэсы). Аддис-Абеба, 1983. 193 p.
23. *Heruy Wolde Sellassie*. YäItyorya Tarik, känegest Saba eskä tallaqu yäAdwa del (История Эфиопии: от Царицы Савской до великой победы при Адуа). Addis Ababa, 1999 EC. 329 p.
24. *Asfa-Wossen Asperate*. Die Geschichte von Šawā (Äthiopien): 1700–1865; nach dem Tārika nagašt des Belättēn gētā Heruy Walda Sēllāsē. Wiesbaden, 1980. 165 s.
25. Бочаров В. В. Истоки власти // Потестарность. СПб., 1997. С. 20–74.
26. Tatek (журнал). Стокгольм, миязия 1963 (апрель 1970).